

18+

ПОТРЕПАННЫЙ ТОМИК

Сборник рассказов

Ермак Михал`ч

**Потрёпанный томик.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Михал`ч Е.

Потрёпанный томик. Сборник рассказов / Е. Михал`ч —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644129-3

Сборник объединил авторов, участвовавших в литературных конкурсах ВК-сообщества «Трактир „Потрёпанный томик“». В книгу вошли как конкурсные рассказы, так и другие произведения участников. Составитель сборника — Ермак Михал`ч.

ISBN 978-5-00-644129-3

© Михал`ч Е.
© Издательские решения

Содержание

ЕРМАК МИХАЛЧ	8
Второе января	9
Мечь Артуры	12
Полёт	16
МИХАИЛ КОНЬШИН	18
Дело жизни	19
Неведомый мир	21
Мыльное дело	24
Приоритеты	28
МАРИНА ОРЛОВА	30
В аду тоже есть правила	31
Болотные огоньки	33
ОКСАНА МЕЖЕНСКАЯ	39
Не хочу боли!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Потрёпанный томик

Сборник рассказов

Трактир «Потрёпанный томик» – место, где рождаются истории.

Авторы: Михал`ч Ермак, Коньшин Михаил, Орлова Марина, Меженская Оксана, Лоскутов Владимир, Гад Анна, Набокин Александр, Попель Оксана, Брюс Елена, Лазукин Дмитрий, Смагина Наталья, Кузнецова Мира, Смирнова Ольга

Составитель Ермак Михал`ч

Редактор Марина Орлова

Дизайнер обложки Сергей Яковенко

Иллюстратор Сергей Яковенко

© Ермак Михал`ч, 2024

© Михаил Коньшин, 2024

© Марина Орлова, 2024

© Оксана Меженская, 2024

© Владимир Лоскутов, 2024

© Анна Гад, 2024

© Александр Набокин, 2024

© Оксана Попель, 2024

© Елена Брюс, 2024

© Дмитрий Лазукин, 2024

© Наталья Смагина, 2024

© Мира Кузнецова, 2024

© Ольга Смирнова, 2024

© Сергей Яковенко, дизайн обложки, 2024

© Сергей Яковенко, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-4129-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Составитель сборника Ермак Михал`ч.

Предисловие

У перекрестка трёх дорог, за лесом Обыденности, на побережье бушующего моря Страсти приютился старый неприметный Трактир. Большую часть времени он пуст и если ты зайдёшь внутрь, скрипнет массивная дверь и тебе предстанет аскетичное, но уютное убранство. В воздухе витают ароматы навязчивых идей, невысказанных мыслей, недописанных строк. Столы из толстого потемневшего дуба украшены винными пятнами и чернильными кляксами, а огромный стул с высокой спинкой окажется на удивление комфортным.

Те стены заведения, что не заняты барной стойкой, размещают высокие стеллажи под самый потолок с множеством книг – некоторые совершенно новые, а другие потрёпанные, перечитанные не один десяток раз.

На широком подоконнике нежится в солнечных лучах, зевая и потягиваясь, пушистая трехцветная кошка. Из хрипловатых динамиков звучит что-то бессмертное из старого рока, а за стойкой скучает бармен, протирая стаканы и читая какую-то потрёпанную книгу в красной обложке.

Он дружелюбно улыбнется тебе, путник, как старому знакомому и безошибочно подаст именно то, что требует твоя душа в этот самый момент: чашку кофе, стакан бурбона или рюмку

текилы. А может бокал бренди или просто кружку чистой колодезной воды. Он немногословен и не будет докучать тебе долгими разговорами, однако с радостью поддержит беседу, выслушает твои истории и прочтет рукопись, которую ты принес с собой.

Как уже говорилось, большую часть времени Трактир пуст, но несколько раз в году в его стенах устраивается конкурс-пир и тогда собираются за его столами писатели и поэты, творцы и читатели, завсегдатаи и новички, чтобы сразиться в словесном мастерстве, побравировать умением сочетать слова, рифмовать строки и рассказывать интересные истории. И тогда Трактир наполняется шумом голосов, звоном бокалов, шуршанием пишущих приборов по бумаге и неизменной победой одного из участников. Ну а самому удачливому вручает приз сама Фортуна.

Заглядывай и ты почаще в Трактир «Потрёпанный томик». Тебе всегда тут будут рады.

/ЕМч/

ЕРМАК МИХАЛЧ

Родился в 1977 г. Проживает в Калининграде. Более тридцати лет пишет стихи, с 2008 г. публикуется в сети под вышеуказанным псевдонимом. С 2012 г. пробует себя в малой прозе. Имеет несколько печатных сборников стихов и рассказов. Увлекается живописью, виноделием, тарологией, музыкой.

В марте 2022 г. создал паблик «Трактир Потрёпанный томик», в котором периодически проводятся литературные и поэтические конкурсы.

Второе января **(Участник конкурса «Второе января»)**

Всегда, когда мы собирались отмечать Новый год у Сергеевых, следующего дня – первого января – как такового просто не существовало. Вот ни разу. Да, тридцать первого мы начинали загодя, встречали наступление нового года по Владивостоку, потом по Новосибирску, ещё по каким-то городам, пока вместе с часовыми поясами не доходили до Москвы. Без пяти полночь слушали речь президента, стоя пели гимн, загадывали желания, пили, ели, шли гурьбой на ёлку, благо центр был в шаговой доступности. Снова пили, поздравляли с праздником незнакомых людей. Потом уже события переплетались, перемешивались, как праздничный винегрет, ну, короче, просыпались мы всегда утром второго, а первое число – оно как-то выпадало и из календаря, и из жизни.

Так же было и в этом году: я продрал глаза спозаранку и долго пытался понять, где нахожусь, и вспомнить события прошлого дня или ночи. Воспоминания всеми силами упирались заползать в пульсирующую болью голову. С точностью я был уверен лишь в одном – что сегодня второе января. Взглядом я скользнул по потолку с трещиной, затем по обоям с зелёными цветами и уставился на огромную – в полстены – репродукцию Айвазовского «Прощание Пушкина с морем». Затем на кровать запрыгнула кошка и, мурлыча, начала тыкаться мокрым носом мне в лицо. Ну и апогеем этого пробуждения стал детский голос, который вдруг позвал с кухни: «Папа, па-ап».

Надо было вставать и отправляться на поиски моего друга Сергеева, вот только три вещи смущали меня: не припоминаю я у него на стене такой огромной картины, кошек этот аллергик отродясь не держал, да и дети его давно уже выросли и разъехались по миру.

Вот так дела-а!

Вновь позвал ребёнок, и на него шикнул женский голос. И снова замешательство: Ленка – жена Сергеева – в командировке была, да и вообще, мы сугубо мужской компанией в этот раз Новый год встречали.

До меня с опозданием дошёл смысл слов, которые произнесла мама мальчика: «Тише, Коль, не шуми, отца разбудишь».

«А чего он др-р-рыхнет? – обиженно прокартавил мальчуган. – Вчера мне в танки обещал поиграть».

«Проснётся – и поиграет, раз обещал», – голос женщины был приятный и совсем не злой.

Я сел на кровати. Осмотрелся в поисках одежды, но, увы, ничего не нашёл. И тут вдруг засвербело в носу, и я громко и смачно чихнул, а потом ещё и ещё несколько раз. Чих с бодуна – это для меня обычное дело.

– Ура, папка проснулся! – ворвался в комнату кучерявый мальчишка и бросился ко мне. Следом спешно вошла женщина, пытающаяся поймать сорванца, но ничего у неё не получилось. – Папка, я соскучился, давай игр-р-рать!

Незнакомый мальчишка забрался мне на колени и обвил шею своими ручками, от него пахло молоком или кашей, чем-то таким детским, непринуждённым, чем-то знакомым и одновременно давно забытым.

Я поднял глаза и посмотрел на Неё. Я впервые видел эту женщину, хотя отдельные её черты: улыбчивый взгляд уставших глаз, ямочки в уголках губ и родинка над левой бровью, – показались мне смутно знакомыми.

– Выглядишь не ахти! – рассмеялась она. Но, всмотревшись в мой недоуменный взгляд, спросила: – Совсем ничего не помнишь со вчерашнего?

– Не! – хрипло выдавил я из себя и помотал головой, тут же поморщившись от головной боли.

– Ну тогда следует снова перейти на «вы» и познакомиться. – Мне послышалось в её голосе разочарование. – Я Виктория. Вика. А вы, если не изменяет память, Саша?

– А-александр.

– Одевайтесь, Александр, и приходите на кухню. Будем чай пить. Коля, пойдём!

– А папка? – встрепнулся мальчишка, сидящий у меня на коленях.

– Придёт твой папка. Идём.

Мальчишка нехотя слез, а Вика протянула мне джинсы и водолазку и вышла с мальчиком из комнаты.

Она легко сновала по кухне, заваривая свежий чай и нарезая рулет. Колька барахтал ложкой в тарелке с геркулесовой кашей, а я приходил в себя после двух таблеток, растворённых в стакане воды, – забота хозяйки.

Налив чай и сев за стол, Вика начала рассказывать:

– Мы на ёлке с сыном гуляли, а неподалёку ваша компания фейерверк запускала. Мы поближе подошли посмотреть, а там – вы. Дело в том, что вы очень похожи на моего мужа, я бы сказала – прям вылитый. Я сама, когда увидела, чуть не перекрестилась. Он погиб три года назад, Колька его по фотографиям только и помнит. Я сыну не говорила, что погиб, сказала, что папка уехал строить космическую станцию. А он как вас увидал да как закричит на всю площадь: «Папка, папка приехал! Ура!» Ну а вы подшофе были, наверное, решили подыграть мальчику, не задумываясь о последствиях. Схватили его на руки и давай кружить, мол, «здравствуй, сынок, и правда я к тебе вернулся». Глупые люди бывают, когда выпьют. Глупые и весёлые.

– Вы простите меня, действительно глупо всё так, – промямлил я.

– Да, – она отмахнулась и, посмотрев в пустоту окна, улыбнулась: – Потом вы с ним на горках катались. На шее его носили. В догонялки. Я давно его таким живым не видела, таким активным, смеющимся. Я понимаю, что вроде иллюзия всё, но для него это как чудо новогоднее, понимаете? Это я вас благодарить должна.

Вика повернула ко мне лицо, и мы смотрели друг на друга. Ей примерно за тридцать было, немногим младше меня. Привлекательная своей природной красотой, без всяких этих штучек, бровей там и ресниц наращённых. Настоящая какая-то, совсем не моложавая, с морщинками под глазами, но веяло от неё чем-то женственным, первобытным, вот той самой светлой энергией, что Создатель на заре времён в Еву вкладывал. Короче, понял я, что снова влюбился.

Тем временем Вика продолжала:

– Потом домой пришли. Колька уже у подъезда у тебя на руках уснул. Уложили его, и тут ты решил за мной приударить. Ну, я-то всё понимаю, по пьяни все такие. Compliments сыпал, за руку держал, в глаза глядел, даже жениться обещал. А самое интересное – даже под юбку не лез и вообще ничего такого. Ах, вспомнила! – Она спешно поднялась и вышла в коридор, вернулась через мгновение и протянула мне телефон. – Ты всё другу пытался позвонить, предупредить, что у меня остался, да только батарея села. А у меня такой зарядки нет, моя не подошла. Если надо, ты с моего позвони, номер-то помнишь?

Она всё это говорила, а я просто смотрел на неё и слушал голос, едва улавливая суть разговора.

– Папка, а когда играть-то будем? – подал голос мальчуган, отодвигая тарелку.

– Ах ты мой богатырь! – похвалила ребёнка Вика. – Всё доел. Вот умничка, сынок. Беги, пока мультки посмотри.

Когда мальчишка убежал в комнату, Вика окинула меня задумчивым взглядом и закусила нижнюю губу, а потом встрепенулась, вздрогнула, словно на плите у неё молоко убежало. Встала и, повернувшись ко мне спиной, сказала:

– Ну а вы собирайтесь, раз уж чай допили. А то, действительно, друг потеряет. – Она обернулась и снова глянула мне в глаза. – Слишком уж много чудес будет за одни сутки, если ты вдруг останешься. Я в такое не верю, прости. Выросла уже из веры в Деда Мороза.

Я стоял на улице и щурился на солнце. Небольшой мороз пощипывал уши, приятно пахло свежестью. Было безлюдно, спокойно и благостно. И, кажется, этот год начинался с самых разительных перемен в моей жизни. Я посмотрел на дом, в котором проснулся сегодня, второго января, при необычных обстоятельствах, и зашагал вдоль по улице. Я ещё вернусь сюда, но вначале куплю подарок сыну. Кучерявому мальчугану Кольке.

Месть Артуры (Участник конкурса «Она»)

– Ты будешь моя или ничья! – прокричал он сквозь шум ветра, крепко держа в объятиях красивую женщину и балансируя на краю самой высокой башни замка. Она ощутила, как острое меч больно кольнуло кожу на шее, ранка засадила, и горячая струйка крови побежала вниз, минуя ключицу.

Но тут крепкий хват рыцаря начал слабеть. Вначале он выронил ставший непомерно тяжёлым меч, и тот, сверкая на солнце, полетел с башни вниз. Затем и сам мужчина разомкнул руки и начал заваливаться на подгибающихся ногах. Силы покидали его. На какой-то миг он замер на краю башни, с удивлением вглядываясь в лицо молодой женщины, которую любил больше всего на свете.

– Ты-ы... – прошипел он и, нелепо раскинув руки, полетел вслед за своим мечом навстречу острым скалам.

– Я...д! – улыбулась она ему вслед и, проведя пальцами по ранке на шее, слизала с них кровь.

Раздались аплодисменты, но Артура понуро брела к своей парте, не обращая внимания на реакцию одноклассников.

– Спасибо, дорогие ученики, на этом всё. А я напоминаю, что тема внеклассного семинара называлась «Как расстались мои родители». Домашнее задание я вам не задаю, и увидимся в следующем семестре! – Преподаватель кафедры злословия растворилась в воздухе.

А ученики школы колдовства и магии шумно собирали учебники и выбегали из класса. Ещё бы, на улице стояла солнечная весенняя погода, а через неделю наступали долгожданные каникулы.

Только Артуру ничего не радовало. Она последней вышла из класса, шаркая тонкими ножками в модных розовых кроссовках и волоча огромный ранец с нарисованными на нём единорожками. У входа девочку поджидал её лучший друг – горбун Мазикводо, жуткий проказник и один из самых многообещающих учеников.

– Ты чего такая хмурная?

– Просто!

– У-у! – парень утёр нос длинным болтающимся рукавом. – Может, сходим на Смердящее болото, половим жаб? Коричневых выменяем у аптекаря на леденцы, а зелёных надует и отпустим летать в воздух, а?

– Что-то сегодня не хочется!

– Давай тогда в Острое ущелье сгоняем, покидаем камни на глаз старому циклопу.

– Да ну-у...

– А Общество лиходеев вечеринку устраивает. Может, тайком проберёмся к ним и в чан с пуншем добавим поносный порошок, а? Вот умора будет! – горбун громко расхохотался.

– Ни-че-го я не хо-чу! – отчеканила девочка.

– Э-эй, это же из мультика. Ну этого, как его... Ай, ладно. А может, тогда...

Артура равнодушно махнула волшебной палочкой в сторону Мазикводо, и он превратился в глыбу льда.

Подумаешь, фокус для первогодок. Он, конечно, оттаёт через четверть часа, но к тому времени Артура будет уже далеко. Иногда даже лучшие друзья бывают такие приставучие и назойливые, что просто кошмар.

Артура не любила все эти семейные истории, тем более родителей своих она знала лишь понаслышке. И если бы не это дурацкое задание на семинар от миссис Грю, ей не пришлось бы копаться в семейном архиве и читать историю семьи. По официальной версии роди-

тели погибли при штурме крепости. Но вот семейные хроники, которые девочка никогда раньше не читала, открыли более интересные детали. Только сейчас Артура впервые задумалась, почему её отправили в эту дурацкую школу колдовства и магии, подальше от королевства, где она родилась. И теперь девочка была намерена раскрыть тайную историю своей семьи.

Семейная летопись-то была под рукой, но вот переводить её с древнекарайского на ново-пуанский, а потом ещё расшифровывать каждое пятое предложение с помощью сложной системы шифров – та ещё задачка, особенно для тринадцатилетней девочки, пусть и с задатками колдуньи.

Так, полностью погружённая в свои мысли Артура дошла до разноцветной калитки домика, где она проживала с гувернанткой. А на ступеньках порога, как ни в чем не бывало, сидел Мазикводо и гладил ручную крылатую кошку Артуры. Только с чёлки его свисали капельки воды. Шурясь от солнца, он посмотрел снизу вверх на подружку и растянул обкусанные губы в щербатой улыбке.

Артура же, завидев его, аж притопнула ножкой от возмущения.

– Я применил заклинание «Кракатау» и на пять секунд превратился в раскалённую лаву – сразу и оттаял!

– А как же ты оказался у меня дома раньше меня?

– Подбросил знакомый дракон Арк. Их эскадра как раз летела на восток сжигать города повстанцев. – Мазикводо поднялся и неуверенно шагнул навстречу подружке. – Может, хотя бы поедим пирожков с ревенём и сахарных шариков, которые готовит твоя замечательная Лукреция? А то у меня дома снова погром: старший брат неправильно начертил символ Инь, и вся кухня превратилась в монолитную скалу!

Артура равнодушно взмахнула руками. Ей ничего не оставалось, кроме как пригласить друга на обед.

Вечером, когда друзья прогуливались по тропинке вдоль края пропасти, на дне которой текла огненная река, Артура призналась Мазикводо, что её гложет в последнее время: ей во что бы то ни стало нужно разгадать тайну семьи.

«Ты будешь моя или ничья! – прокричал он сквозь шум ветра...» Артура быстро пробежала глазами уже знакомые строки и двинулась дальше по тексту.

– Я...д! – улыбнулась она ему вслед и, проведя пальцами по ранке на шее, слизала с них кровь.

Капеллина спешно спускалась по узкой винтовой лестнице башни, перепрыгивая через одну, а то и через две ступеньки, рискуя оступиться и свернуть себе шею. Машинально она снова тронула саднящую на шее рану, и пальцы вмиг стали липкими и влажными. Кровь продолжала сочиться из крохотной ранки, тонкой струйкой стекая по груди. Белое кружево платья справа стало алым, и пятно всё продолжало расползаться на ткани. Женщина ощутила озноб (это и не мудрено после стылого ветра на самой верхушке башни) и сухость во рту (что тоже не удивительно, последние сутки у неё во рту не было ни крошки хлеба, ни капли воды). Но вот жжение в глазах и слабость в теле начинали утомлять женщину. Последние ступени она преодолела пошатываясь, затем, наклонившись, протиснулась в низкий проём неприметной дверцы. Стражник, стоящий по ту сторону потайной двери, беспрепятственно пропустил её. В тайную комнату графа Мортифера женщина уже еле вползла – держась за стены, борясь с тошнотой и пытаясь сморгнуть круги перед глазами.

Она хотела рассказать графу, что выполнила всё в точности, но с пересохших губ сорвался лишь каркающий хрип.

Мортифер – поджарый, с сединой на висках – поддержал её за локоть и усадил на жёсткий топчан около дальней стены, куда едва достигал свет чадающего факела.

– Не трать силы на разговоры, милая моя, я всё знаю.

Капеллина хотела попросить воды, но не могла издать ни звука, лишь открывала и закрывала рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Угадав её желание, граф поднёс к устам женщины кубок с вином, которое показалось ей обжигающе кислым, будто уксус, хотя Мортифер знал толк в винах.

Капеллина устало откинулась к холодной каменной стене и прикрыла глаза. За закрытыми веками пламя факела отдавалось светлыми всполохами. Некстати в голову пришла мысль о мгновениях любви и страсти, приведённых в этой комнатке на жёстком топчане в объятиях грубоватого, но чуткого графа. Ради него она была готова пойти на всё – и она пошла. Она выполнила всё, о чём он просил её. Устранила глупое препятствие в лице собственного мужа. Препятствие для её любимого – к трону, к правлению этой страной, к тому посту, которого был достоин только он. Ведь её муж Артур был главным доверенным лицом правителя и очень влиятельным человеком в королевстве. Он бы не позволил устроить переворот и свергнуть выжившего из ума старика с трона, слишком предан он был королю. А за Артуром пошли бы и другие, целая армия. Но теперь – без него – граф сможет воплотить в жизнь свой план. И делает её, Капеллину Хостербрейл, своей королевой...

Женщина закашлялась и открыла глаза. Правая часть тела онемела, а кровь так и продолжала течь. Кажется, уже весь бок был мокрый от неё. Капеллина оперлась о топчан, чтоб сесть поудобнее, и ощутила, как рука погрузилась в растёкшуюся лужу крови.

– Я уже ничем не смогу тебе помочь, прости. Всё дело в отраве, которую я привёз с южных островов, а мои люди накануне хорошенько смазали ею меч твоего благоверного, пока ты сама подмешивала ему в вино замедленный яд. Видишь ли, у этой отравы лишь одно чудесное свойство – она не позволяет крови свёртываться, и человек способен истечь до смерти, даже уколовшись обычной иглой. И все-таки хороший спектакль разыграли мы с тобой, хвалю. – Мортифер трижды театрально хлопнул в ладоши. – Ты была так ослеплена любовью ко мне, о наивная. Сам бог послал мне тебя, чтобы воплотить с твоей помощью мой дерзкий план. И ты так слепо доверилась. И подыграла в этом побеге на самый верх башни от разъярённого ревнивого мужа. Многие видели воочию его падение на скалы. Это то, что было нужно! Теперь же, когда Артур мёртв, я с лёгкостью свергну слабоумного старика и займу его место. Как раз сейчас мои люди готовятся к штурму королевского замка. Многих я смог перекупить на свою сторону, они лишь ждали, когда падёт Артур, всех их держал страх перед твоим мужем. Ну а ты – ты мне более не нужна. Неужели ты думала, что я стану рисковать, держа рядом человека, посвящённого во все мои тайны? Не-е-ет. Но одно я могу пообещать в благодарность за твою преданность и... хм... любовь. Я позабочусь о твоей дочери. Малышка сейчас в безопасности. А когда ей исполнится пять, я отправлю её в школу колдовства и магии. Сильному королевству нужен сильный маг!

До Капеллины все эти слова доносились как будто издалека. Словно песнь священника в храме на проповеди. Силы всё более покидали её. И не было совершенно никаких эмоций – ни жалости, ни обиды, ни злости. Лишь усталость. И откуда-то взявшаяся благодарность к этому человеку. Она ощущала, что поступила правильно, всё остальное было теперь неважно.

Капеллина Хостербрейл улыбнулась и закрыла глаза. Чувства покинули её, и последние слова графа она уже не слышала.

– ...ещё неизвестно, кто её настоящий отец. Ведь ты давно не могла понести от мужа, обращалась к разным лекарям. А как только я разделил с тобой ложе, не прошло и полугода, как животик твой округлился, а ещё через несколько месяцев стены замка услышали звонкий плач твоей дочери, которую ты так благочестиво назвала в честь мужа. Прощай.

Граф вышел из комнаты и притворил за собой дверь.

Через час замок был взят штурмом, старый король свергнут, а вся свита и воины присягнули на верность новому королю.

Артура захлопнула тетрадь с переводом, откинулась на спинку старого кресла и сладко потянулась. Сквозь окно, будто подмигивая ей, светила полная луна. Лишь к концу каникул девочке удалось перевести и расшифровать семейную летопись. Зато теперь она знала очень многое о гибели своих родителей и прямом участии в этом Мортифера – теперь уже короля.

Какое-то приятно-холодное и доселе неизведанное ощущение прокатилось от горла к животу и осталось там, источая влекущие волны. Это было ощущение предстоящей мести.

Артура хищно улыбнулась луне и смежила веки, отдаваясь во власть беспокойного сна.

Полёт

И знаешь, я вдруг понял, что мне сейчас нужно.

Невообразимо захотелось влюбиться. Вот чтоб сердце трепетало, чтоб перехватывало дыхание от одной мысли, от одного звука имени, чтоб душа наизнанку, чтоб любить навзрыд! Чтоб сердце ныло от секундной разлуки, а встреча была глотком чистого воздуха после душной жары. Чтоб как в юности, как пацан – с романтикой, горящими глазами, цветами с клумбы и поцелуями на последних рядах провинциального кинотеатра.

Так вот беспечно душу раскрыть, подцепить ту самую весеннюю простуду и болеть, лелея её. Зная про осложнения, про последствия, про любовное похмелье – и отмахиваясь, это ведь всё потом. А сейчас – сейчас сердце жаждет любви...

Любви юной, молодой, неопытной – и тем более желанной именно в этот, настоящий момент. Чтобы сломя голову, позабыв про возраст, ринуться сквозь лес, буреломы, непролазные кущи – вместе с ней, навстречу всему неизведанному.

Зажигаясь её азартом, неутолимой жадой всё познать, всё испробовать – смеясь, рвать напролом, спотыкаясь, падать, обдирая коленки, обжигать крапивой лодыжки. Но вновь подниматься, вновь идти, бежать, лететь. И смеяться, вместе!

Чувствовать её огонь, ощущать, как трепещет в её нутре – словно вулкан – нераскрытый, пока ещё глубоко запрятанный потенциал, неиссякаемая тяга к жизни, к любви, к счастью.

И хочется, чтоб смотрела на меня широко раскрытыми глазищами – и впитывала, и пила, и жила мной. И читала как книгу, и слушала как мелодию. И пусть пьёт, пусть берёт – и энергию, и кровь, да и жизнь; пусть напивается себя, насыщает, крепнет, зреет. И так приятно ощущать слабость от этой отдачи и рядом её – молодую, цветущую, крепкую.

А потом, как наберётся сил, когда готова будет сама уже расправить крылья, тогда крепко возьмёт за ладонь и поднимет с собой ввысь, в самое небо, к солнцу – так близко, насколько это возможно. И жар от солнца будет печь кожу щёк и лба, словно ночью у костра сидишь или в бабушкиной деревне возле печной дверцы глядишь на пламя сквозь щёлку, а оно так приятно греет, теплит, ласкает будто...

А когда вдоволь насмотримся на солнце, впитаем его жар в себя, тогда выпустит она мою руку, улыбнётся – мол, пора мне, а ты возвращайся, возвращайся на землю обетованную. Не вечно же тебе, старому, возле юной увиваться. Я, что хотела, от тебя взяла.

И вот в этом свободном падении, от которого дух захватывает, – несколько секунд, прежде чем разбиться об острые скалы бытия, – вот во время него и придёт озарение, ради чего всё это было. Словно импульс сквозь все вены, словно разряд дефибриллятора в самое сердце...

А потом БАМЦ! И о камни вдребезги, в клочья, чтоб руки-ноги в разные стороны и голова в лепёшку, словно клякса.

И лежишь – распластанный по холодным камням, то ли целый, то ли мысли одни от тебя остались. Ан нет, вон и сердце постукивает, с переборами, но ничего, в ритм войдёт. Кто-то там, наверху, насмехается, ворчит, мол: «Мы ж тебе говорили. Предупреждали. А ты всё туда же! Дур-рак».

А ты отмахнёшься, растянешь рот щербатый в улыбке: над головой-то солнце, вот оно – безмолвный свидетель мимолётной любви. Одной из миллиардов, но и одной единственной, и никогда более неповторимой. И на его жёлтом диске всего на миг промелькнёт искрой, будто звёздочка, – силуэт той, что напоила тебя молоком своей молодости. Той, что низвергла с небес, но прежде вознесла до самого солнца!

Соберёшься в кучу, поднимешься и, как был босиком, побредёшь, пошатываясь, восвояси, лишь рукой грудь слева разминая, словно было там что-то, а теперь пусто, и какой-то сладкой болью эта пустота наполняется, и тянет будто.

Мотнёшь головой, улыбаясь самому себе, вспоминая себя да ту, юную, имя которой на душе ржавым гвоздём нацарапал, и пробормочешь в сторону:

«А ведь было! Было же, чёрт возьми!»

И солнце по спине лучами скользнёт, поддакивая:

«Было! Конечно, было! Сам тому свидетель!»

Вот, возможно, тогда только вкус жизни снова и появится.

МИХАИЛ КОНЬШИН

Творческий псевдоним – Good Reading.

Родился 17 сентября 1979 г. в Рязани.

Выпускник Рязанского государственного педагогического университета имени С. А. Есенина.

Автор прозы и поэзии различных жанров.

Первые произведения появились в сети Интернет в феврале 2021 г. Из жанров предпочитает реализм и мистику.

Модератор сайта «Литературная Беседка» (litbes.com). Организатор литературного конкурса «Контраст».

Любимые писатели: Дэвид Моррелл, Артём Каменистый, Данияр Сугралинов.

Жизненное кредо: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе».

Дело жизни (Участник конкурса «Я делаю шаг»)

В конце затхлого коридора, снизу до половины окрашенного синей казённой краской, а сверху покрытого побелкой, меня ждал сюрприз – тупиковая комната с двумя дверями. Станный живой объект стоял как раз между ними, привалившись мощной спиной к обшарпанной стене. Здоровяк напоминал одновременно фавна, джинна и викинга. Сложив мощные руки на груди, он ехидно улыбался, изучая меня. На его лысой голове отчётливо виднелись небольшие рога, лицо было покрыто шрамами, в ухе сверкало золотое кольцо, густая борода была заплетена в косу, а мускулистые запястья покрыты затейливыми татуировками.

– Выбор у тебя совсем не сложный, – прогудел он. – Прелюбодеяние – за этой дверью. Чревоугодие – за той. Определяйся.

И действительно, из-за двери слева до меня донеслись сладострастные возгласы, стоны, всхлипы и монотонные поскрипывания. А от двери справа вдруг потянуло аппетитным ароматом, послышался звон вилок, посуды, бокалов. В животе предательски заурчало.

– Выбор очевиден, – говорю я, нацепив на лицо улыбку, и делаю шаг вперёд.

Я увлекаюсь баскетболом и довольно ловко отнимаю мячи у соперников. Да и у среднестатистического охранника ЧОПа могу отобрать дубинку вполне легко. Возможно, отродье было готово к такому финту, или я был недостаточно расторопен, но попытка схватить топор демона закончилась неудачей...

Моя шея оказалась в лопатообразной ладони нечисти, тело поднялось над полом, ноги заболтались в воздухе. Я взвыл от боли.

– Ух, какой шустрый, – пророкотала сущность, удерживая меня перед собой на вытянутой руке. – Я вас, грешников, насквозь вижу. Наверное, ещё не понял, где оказался?

В моём нынешнем положении что-либо ответить было проблематично, и уже чувствовался недостаток воздуха. Внезапно здоровяк разжал жилистые пальцы, и я упал, ощутиمو приложившись боком о пол.

Выругавшись, отполз назад на несколько метров.

Это же сон! Я попытался проснуться, ущипнув себя. Ничего не изменилось.

Татуированный лысый бородатый переросток с рогами по-прежнему стоял передо мной, за левой дверью слышались страстные стоны, а справа тянуло запахом жареного мяса.

– Витя, ты не спишь! Ты умер! – пробасил демон, обрызгав меня слюной, хотя я находился от него на почтительном расстоянии.

– Как умер? – пролепетал я. – Что произошло? Помню же, как посмотрел вечерние новости по телевизору, лёг в кровать и уснул. Занимаюсь спортом, здоровье нормальное.

– А сосед твой сверху, Тихон Сергеевич, чем живёт? – спросил демон, прищулив левый глаз. – А?

– Дык... Пьёт.

– Вот! И вчера пил. Газовая колонка у него сорок лет отпахала, замены требовала. Потухла, а газ всё шёл. И тут любезный Тихон решил закурить на кухне... Ба-а-а-бах... И вы оба тут. Я его только перед тобой к «сладострастным» пропустил, – ослабившись, изрёк собеседник.

Я снова ущипнул себя. Никакого эффекта.

– Не понимаю, почему дверей всего две, а грехов-то вроде семь? – уточнил я, обдумывая реальность или нереальность происходящего.

– И это правильный вопрос! Ты ещё и сообразительный! Потому что пять из них ты в срединном мире уже «освоил».

– Не понял... – удивился я.

Здоровяк достал листок.

– Вот. Читаю. Виктор Михайлович Ленцов... Так... Так... Высокомерен, завистлив, злобен, жаден, придаётся унынию и лени. Фамилия у тебя сама за себя говорит, – рассмеялся демон. – Выходит, только блудом и обжорством не страдаешь. Но это мы тебя сейчас приобщим. Выбирай дверь и иди уже. За тобой очередь. Не задерживай переходников.

Я задумался. Да, как-то похоже я и представлял себе посмертие. Только коридор чище, и краска не синяя, а серая. Не может быть!

– Это ад, правильно?

– Нет, это Переход.

– А я думал, что распределять в ад и рай будут бес Герион и ангел Мальфиста, – прошептал я, уже выбирая направление дальнейшего движения.

– Что ты там сказал? – выпалил демон. – Ты читал про Гериона и Мальфисту?

– Конечно, читал, – уныло ответил я. – Сам их придумал и написал книжку про них.

– В смысле, «придумал и написал»? – гаркнул демон. – У нас все знают, что «Великую Книгу Бесов» написал Иван Доброта!

– Это мой литературный псевдоним. Я и есть Иван Доброта.

Челюсть сущности отпала, глаза расширились, он вновь пересмотрел свой листок.

– Но здесь этого не отмечено. Докажи, что ты Иван Доброта? Сколько лет Гериону и Мальфисте?

– Гериону триста исполнилось, а возраст Мальфисты я не стал раскрывать в первой части. Демон засуетился.

– Ты понимаешь? Понимаешь?! Мы все тут поклонники твоей книги. Но самый главный поклонник – это я! Но если ты пройдёшь по Переходу, то не сможешь написать продолжение.

Он внезапно приблизился, прижал меня к себе и зашептал:

– У тебя мало времени. Слушай внимательно. Люди попадают в ад, когда имеют шесть грехов. Шесть. Понимаешь? Надо не ходить ни в какие двери. Вот условие. Сейчас я тебя отпущу, и ты громко скажешь три раза, что тебе не нужны блуд и обжорство. Громко. И уйдёшь по коридору назад. Понял?

Он отшатнулся от меня и махнул рукой.

– Меня не интересуют блуд и обжорство! – трижды прокричал я.

– Иди, человек, назад. Тебе даётся второй шанс, – важно проговорил страж.

Я развернулся и медленно пошёл по коридору в обратном направлении. Житель нижнего мира несколькими шагами догнал меня.

– Обязательно в продолжении упомяни беса Тинталлу. Обязательно. Пусть он тоже станет героем книги. Это я, – прохрипел демон, снова изрядно обрызгав слюной моё лицо. – Обещай! А? Пожалуйста!

– Тинталла, ты станешь другом Гериона, – твёрдо ответил я.

– Спасибо! И помни... Пять грехов, не больше...

– Доктор, пациент очнулся!

Я открыл глаза. Огляделся. Лежу на кровати. В больнице, наверное.

На меня сверху с удивлением смотрят двое мужчин в белых халатах.

– Не напрягайся, счастливчик. После взрыва выжить, да ещё клиническую смерть пережить... Чудо, не иначе, – прошептал один из них, наклонившись ко мне.

Неведомый мир

(Участник конкурса «Дневник обречённого»)

Елене Масловой два дня подряд снились необычные сны.

Всё началось в ночь на среду. В сновидении она попала в Центральный городской парк культуры и отдыха, где часто гуляла по выходным в реальной жизни. Лето было в разгаре, яркое солнце ослепляло. Вокруг звенели весёлые песенки и разносился детский смех. Разнообразные аттракционы притягивали большое количество посетителей. Будь Елена ребёнком, обязательно покаталась бы на «Лебедях» или электрических машинках и, конечно, заглянула бы в «Комнату страха». Но ей пятьдесят два, и если посещать эти развлечения одной, то такой пассаж выглядел бы нелепо. Она решила пройти в спокойное место и свернула на узкую аллею.

– Женщина, уважаемая, помогите старику разобраться в новомодных играх, – обратился к ней мужчина, сидящий на лавочке.

Елена остановилась и осмотрела просителя. Выглядел он на несколько лет старше её. Приятное лицо, подтянутая фигура и деловой костюм-тройка с галстуком вырисовывали образ солидного человека, которому можно доверять без опасений. Елене показалось, что она где-то уже видела этого мужчину, но вспомнить не смогла.

– Вот, купил внукам настольную игру. Прежде чем подарить, решил разобраться в правилах. И ничего у меня не получается. Кстати, меня зовут Игорь Константинович.

– Елена Ивановна.

– Приятно познакомиться.

Она села рядом, отметив про себя, что мужчина выбрал довольно странный повод для знакомства. Сама Маслова была одинока. С личной жизнью у неё так и не сложилось, детей Бог не дал.

Завязалась беседа. Оказалось, что внуки нового знакомого живут с ней в одном доме, более того, в соседнем подъезде. Правила игры с пометкой «для среднего школьного возраста» действительно оказались сложными.

Общение затягивало женщину всё больше. Собеседники поделились увлечениями, хобби и фрагментами биографий. В ходе разговора Игорь Константинович почему-то часто вполголоса повторял: «пять-ноль-восемь».

«Какие-то сорные слова», – поначалу думала Елена, а потом перестала замечать такую мелочь. Мужчина ей очень понравился. Они перешли на «ты».

В конце встречи Игорь предложил:

– Давай встретимся завтра. Я принесу редкий египетский набор карт Таро. Уверен, они заинтересуют тебя как любителя эзотерики.

Елена согласилась и...

...Проснулась.

В ночь на четверг, уснув, Елена снова оказалась в Центральном парке. Но на дворе уже стояла глубокая осень. Листва облетела с деревьев, ветер нещадно бил холодом в лицо, под ногами хлюпала грязь. Но на искомой аллее оказалось более-менее тихо. Игорь ждал её на той же скамейке. Он предстал в чёрном твидовом пальто, толстом сером шарфе и тёмно-синей кепке-восьмиклинке.

Они разговаривали о политике, обсуждали новинки кино, вспоминали интересные события детства. Елена ощущала себя на настоящем свидании, как в молодости. Спустя некоторое время стали рассматривать карты Таро. Елена была в восторге. Она впервые видела подобные детальные изображения.

Игорь предложил:

– Может быть, пять-ноль-восемь, погадаем?

– Я не против.

– Тогда сформулируй про себя вопрос...

«Что ждёт меня в ближайшем будущем?»

– А теперь доставай карту.

Женщина вытянула карту и перевернула...

Её глаза округлились. Она отшатнулась.

Карта «Death»...

Елена проснулась в холодном поту.

Но почему? Она ведь точно знала, что, несмотря на название, это хорошая карта и её появление в раскладе – удача. «Смерть» означает конец определённого периода, после которого ожидаются благоприятные перемены, рост и преобразование личности.

Однако тревога нарастала. Беспокойство сопровождало женщину весь день. От напряжения раскалывалась голова. Таблетки боль не снимали.

Перед сном Елена даже решила помолиться:

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё...

Прочитала молитву трижды. Уснуть же получилось только под утро.

И снова парк.

Зима. Снежное покрывало скрипит под сапожками. Холод пробирается под одежду.

Игорь предстал в коричневом полушубке, шапке-ушанке и валенках.

И сразу ошарашил Елену:

– Сегодня наша последняя встреча в парке. Пять-ноль-восемь.

– Как? Почему? – удивилась женщина.

– Наше время вышло. Мы сможем увидеться в другом месте. – Мужчина подошёл к ней, обнял и прижал к себе. – Елена, ты во сне, пять-ноль-восемь. Сейчас проснёшься и попробуешь прийти ко мне. Для этого нужно просто превратиться в ангела...

Открыв глаза, Елена встала с кровати и направилась в гостиную. Распахнув панорамное окно, забралась на подоконник и крикнула:

– Я иду к тебе, любимый!

А затем шагнула в пустоту пятничного дня.

Тринадцатый этаж, на котором располагалась квартира Елены Масловой, не оставил женщине ни малейшего шанса на выживание.

В понедельник руководитель спецподразделения просмотрел видео со скрытых камер, установленных в квартире погибшей. Особое внимание обращал на время засыпания и пробуждения Елены Масловой, делая пометки в «Деле обречённого». На последней странице он поставил подпись и закрыл папку.

Нажав на кнопку коммутатора, произнёс:

– Пусть зайдёт.

Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге кабинета появился юноша, одетый в камуфляжную форму.

– Разрешите, товарищ полковник.

– Проходи.

Вошедший остановился у стола начальника.

– Боец, почему был подобран именно такой типаж искусителя? Откуда взята идея? Поясни.

– Товарищ полковник, я нашёл старый снимок мальчишки – первой любви Масловой. Прогнал через программу, состарил до нужного возраста, добавил детали по её предпочтениям. А потом уже вжился в него.

– Поздравляю, лейтенант. Экзамен сдан. Я бы мог придаться к тому, что пациентка подсознательно чувствовала влияние, засыпала не сразу... Но... это частности. Отнесём всё к особенностям её нервной системы. Задание выполнено в срок, объект устранен. Чисто сработано. Молодец!

Полковник встал с кресла, подошёл к юноше и пожал ему руку.

– Теперь ты полноправный слипер нашей группы. Меняй форму на гражданскую одежду. Желаю успехов в службе на благо Отечества. В добрый путь!

Мыльное дело

Здравствуй, дорогой Читатель. Приглашаю познакомиться с событиями, происходившими полтора столетия назад. Бывает полезно посмотреть со стороны на людей прошлого и их поступки, чтобы избежать повторения многих ошибок в настоящем.

Начало июля 1878 года в Техасе выдалось жарким. Третий уик-энд подряд на небе не появлялся даже лёгкий намёк на дождевое облачко, а температура не опускалась ниже восьмидесяти шести градусов по Фаренгейту¹.

Жители города Форт-Уэрт встретили ежемесячную ярмарку с воодушевлением, надеясь отвлечься от однообразных трудовых будней. Только год назад все южные штаты присоединились к США после кровопролитной Гражданской войны², поменявшей устои и взгляды американского общества. Уровень жизни потихоньку рос, но не так быстро, как хотелось людям.

Несмотря на палящий зной, к полудню на площади стало не протолкнуться. Складывалось впечатление, что каждый горожанин посчитал своим долгом посетить ярмарку.

Выставленные товары поражали разнообразием. Наряду с одеждой, обувью, различными хозяйственными мелочами, продуктами и сладостями, приезжие дельцы торговали мебелью, коврами и даже ювелирными изделиями.

Хотя страной в то время управлял республиканец Ратерфорд Хейс, победа которого на президентских выборах считается самой грязной в истории США, цены были довольно демократичными. Например, за пять центов можно было приобрести фунт³ муки или свежей говядины. Фунт свинины, сыра или белого сахара шёл по пятнадцать центов. За фунт кофе платили четвертак. А уж полновесный доллар стоили джинсы от Levi Strauss или же пара крепкой обуви.

Выйдя на прогулку с восьмилетней дочерью Люси, вдова Дороти Уилсон тоже заглянула на толкучку. Дороти выделялась в толпе ростом в шесть футов и один дюйм⁴, что позволяло ей смотреть на многих окружающих свысока. Служила она телеграфисткой в отделении «Western Union Telegraph Company» и специализировалась на осуществлении денежных переводов. Выглядела женщина в свои тридцать довольно привлекательно, проходящие мимо мужчины заглядывались на неё. Но вот лицо Дороти не выражало эмоций, казалось, что оно высечено из камня. После гибели мужа в начале года – в результате несчастного случая при строительстве мэрии – ранее жизнерадостная Дороти ни разу не улыбнулась. Люси же, шагающая рядом вприпрыжку, улыбалась и уплетала большое печенье, купленное за пару центов.

– Уважаемые господа! Подходите сюда! Через несколько минут начнётся розыгрыш, в котором каждый из вас сможет заработать пять, двадцать или сто долларов! – послышался зычный голос.

Дороти повела Люси в сторону заманчивого клича, который повторился ещё несколько раз.

Заинтересовались предложением и другие горожане. Зазывалой оказался мужчина с густой бородой, одетый в качественный тёмный костюм с жилеткой, галстук и светлую рубашку. На голове красовалась серая шляпа с широкими полями. Он находился у раскрытого чемодана, стоящего на трёх высоких стойках. Ростом мужчина несколько не уступал Дороти.

¹ Тридцать градусов по Цельсию. – Здесь и далее примечание автора.

² Гражданская война в США длилась с 12 апреля 1861 по 26 мая 1865 года.

³ Один фунт равен 0,453 кг.

⁴ Один дюйм равен 1,85 м.

- Мама, мама, дядя на Санта-Клауса похож, только борода чёрная, – поразилась Люси.
- Тише, он же вовсе не старый. Дядя может обидеться, – одёрнула дочку Дороти.

И действительно, если приглядеться, то мужчина выглядел лет на двадцать, а то и меньше. Борода явно прибавляла возраст.

Постепенно вокруг импровизированного лотка скапливались любопытные.

– Меня зовут Джефф. Давайте начнём наш розыгрыш. Посмотрите, у меня в руках – сто двадцать пять долларов тремя купюрами: пять, двадцать и сто. А в чемодане – двадцать кусков мыла. Сейчас я на ваших глазах оберну купюрами три куска мыла. Затем это и другое мыло оберну бумагой. И мы всё перемешаем.

Мужчина аккуратно обернул мыло сначала в пятёрку, а затем в бумагу. То же он проделал с двадцаткой и сотней. Далее он завернул в бумагу оставшиеся куски мыла. Люси пыталась сосчитать их, но сбилась, отвлекшись на гудок паровоза.

– Итак, всё смешиваем и начинаем розыгрыш, – проговорил Джефф.

Перемешав мыло, он прокричал:

– А теперь, господа, испытайте свою удачу! Первый кусок мыла стоит всего доллар. Потом будем проводить аукцион. Вы можете выиграть сто долларов! Огромные деньги! Не стесняйтесь, удача в ваших руках.

Он взял в руку свёрток и поднял над головой.

– Ну же, кто первый испытает удачу?

– Давайте я попробую, – сказал парень в простеньком костюме из грубого сукна, подошёл к Джеффу и протянул доллар.

Получив желаемое, парень тут же сорвал бумагу и с сожалением произнёс:

– Пусто...

По толпе прошёл гул разочарования.

– Господа, не отчаиваемся, это только начало. В моём чемодане осталось ещё девятнадцать кусков, среди которых прячутся сто двадцать пять американских долларов!

Джефф взял в руки следующий кусок мыла.

– Итак, первый шанс был за доллар, а теперь – аукцион. Начальная цена – один доллар. Кто больше?

– Доллар и десять центов, – слышалось из толпы.

– Доллар пятнадцать центов...

– Доллар двадцать...

– Полтора доллара!

– Если предложений больше нет, то второе мыло уходит мужчине в цилиндре! – прокричал хозяин розыгрыша-аукциона.

Но и в нём не оказалось денег. Третья, четвёртая и пятая попытки также оказались неудачными.

В аукцион шестого куска включилась Дороти:

– Два доллара!

Но её цену перебил какой-то ковбой. Он забрал мыло и через несколько секунд воскликнул, размахивая пятидолларовой бумажкой:

– Ура! Есть! Удача!

Люси обняла маму, поняв, что они проиграли. Но Дороти оставалась внешне спокойной, по лицу по-прежнему невозможно было определить какие-либо эмоции.

Победивший ковбой продолжал радоваться, смеясь и показывая собравшимся «плавник»⁵.

⁵ Народное прозвище денежной купюры номиналом пять долларов США в конце XIX века.

– Господа, у нас осталось четырнадцать кусков мыла, среди которых прячутся сто двадцать долларов. Начальная цена следующего лота... три доллара!

Аукцион продолжился.

Теперь мыло уходило не ниже шести долларов.

В аукцион одиннадцатого куска снова включилась Дороти:

– Семь с половиной долларов.

– Восемь, – перебил ставку элегантный джентльмен в синем костюме.

– Восемь с половиной! – прорычала Дороти.

– Девять! – тут же ответил он.

Дороти промолчала.

Забрав и распаковав мыло, Синий Костюм радостно воскликнул:

– Победа! Да!

– Поздравим мистера! На ваших глазах он выиграл двадцать долларов! – подытожил Джефф.

Люси захныкала. Дороти приобняла ребёнка и успокоила:

– Не плачь, это всего лишь игра.

Торги возобновились.

– Осталось девять кусков мыла. В них затаились сто долларов. Ну что ж, господа, держайте. Начальная цена следующего шанса – десять долларов!

Толпа загалдела. Мыло уходило в среднем по двадцатке. Разочарованные проигравшие, основную массу которых составляли зажиточные фермеры, старались побыстрее покинуть ярмарку.

За восемнадцатый кусок в аукцион вновь вступила Дороти. Она снова соперничала с Синим Костюмом. Больше желающих торговаться не было, хотя вокруг собралась внушительная толпа.

– Двадцать семь долларов, – бросила Дороти.

– Двадцать семь с четвертью, – парировал соперник.

– Двадцать восемь!

– Двадцать девять!

– Тридцать! – произнесла Дороти, сжав ладонь Люси.

– Тридцать – раз. Тридцать – два. Тридцать – три! И мыло уходит симпатичной миссис из первого ряда!

Дороти медленно подошла к стойке, аккуратно распаковала мыло. Глаза заблестели, на лице появилась улыбка, и она, достав купюру, стала размахивать ей над головой со словами:

– Сто долларов! Целых сто долларов!

– Поздравим победительницу! Она рискнула и победила! – воскликнул Джефф.

Люси подбежала и обняла маму. Дороти взяла дочку на руки и поцеловала. Люди вокруг начали аплодировать в знак одобрения. Люси сияла! Даже через много-много лет никакое событие не доставляло ей столько радости, сколько те мгновения победы в аукционе мыла в городе Форт-Уэрт.

Постепенно толпа редела, люди расходились. Джефф собрал стойки и, подхватив чемодан, попрощался:

– Поздравляю! Даст бог, свидимся. Удачи!

В тот день на ярмарке мама купила Люси новую обувь, платье и свитер. Также купили продуктов и, кроме самого необходимого, принесли домой большой торт, четыре фунта конфет и леденцы. Вечером за праздничным ужином много смеялись. Дороти даже сказала:

– Люси, может быть, наша жизнь изменится в лучшую сторону. Будем надеяться на это.

От переполнявших чувств Люси долго не могла заснуть. Девочка воображала новый большой дом, красивое платье и собственную лошадку.

Ночью раздался стук в дверь. Люси услышала, как мама пошла к двери, и тихонько выглянула из своей комнаты. В дом зашёл мужчина. Даже при слабом свете свечи Люси узнала мужчину с бородой, проводившего сегодня розыгрыш. Сердце ёкнуло, страх сковал девочку, но она услышала весь короткий разговор.

– Хорошая работа, Дороти. А для первого раза просто великолепная. Молодец!

– Спасибо, мистер Смит. Вот ваши восемьдесят долларов. Всё верно?

– Да, как договаривались, двадцатка твоя. Через неделю на вокзале ровно в полдень. Буду ждать тебя.

– Поняла вас, сэр. Здорово вы сегодня играли!

– Я – не игрок. Игрок рискует своими деньгами, а я – нет. И вот ещё что. На, возьми ещё десять долларов. Как бонус. Одна воспитываешь ребёнка, вам тяжело. Но дочку в следующий раз оставь дома, ни к чему ей всё это. Тридцатку для нового аукциона передаст тебе Джек непосредственно на вокзале.

– Благодарю вас. Спасибо вам большое.

Люси увидела, как после ухода мистера Смита мама заплакала, не выдержала, вышла из комнаты, чтобы обнять и поплакать вместе с ней.

Девочка тогда не понимала, что и ковбой, выигравший пять долларов, и джентльмен в синем костюме, заполучивший двадцатку, состояли в одной банде. Мошенники, купив самого дешёвого мыла всего на один доллар, смогли заработать на ярмарке в сто шестьдесят девять раз больше.

Через год Уилсоны переехали в Денвер⁶. Дороти устроилась бухгалтером в клуб «Тиволи». Как оказалось, мистер Смит тоже переехал в город на берегу реки Саут-Платт. Люси вскоре узнала полное имя этого господина – Джефферсон Рэндольф Смит – и даже прозвище – «Мыльный». Он стал известным и уважаемым гражданином. Люси много раз его видела и точно знала, что мама продолжает работать на него. Но на розыгрыши-аукционы девочка больше не ходила.

⁶ Штат Колорадо.

Приоритеты **(Участник конкурса «Не бывает недостатка...»)**

Полная луна нависла над городом. Начал накрапывать дождь. Вдалеке сверкнула молния.

В тёмном помещении с вывеской «Ювелирочка высшей пробы», некогда горевшей неоновыми огнями, находились двое мужчин, экипированных в зимний камуфляж. Поверх курток были надеты жёсткие ремни с притороченными массивными ножнами, из которых торчали рукоятки ножей.

Один из мужчин – высокий, худой, с чёрными кудрявыми волосами – стоял за прилавком. Второй – толстенький шатен среднего роста – рассматривал лежащие в витрине украшения. У обоих были включены небольшие армейские фонари.

– Итак, уважаемый, чего желаете для своей ненаглядной? Могу предложить шикарное кольцо от «Московского ювелирного завода» или же набор четыре в одном от «Адамас». Здесь и серёжки, и кольцо, и подвеска, и браслет, – заискивающе проговорил Брюнет, указывая на предложенные изделия.

– А давайте, господин Зайцев, я возьму всё. Мелочиться не буду: до восьмого марта всего неделя осталась. Цены могут повыситься, – тихо ответил Пухляш.

Мужчины переглянулись, улыбнулись и... начали разбивать стеклянные прилавки и складывать драгоценности в свои рюкзаки. Однако Брюнет, взяв несколько браслетов и печаток, вскоре прекратил это занятие.

Пухляш же обчистил витрины полностью.

– Нафига тебе столько? – удивился Брюнет.

– Понимаешь, Михалыч, моя очень любит украшения. А это мой первый ювелирный за всё время. Вот раньше у меня не получалось часто ей их покупать. Иногда подаришь колечко или цепочку на праздник, а она так радуется, словно лотерейный билет на миллион выиграла. Но обязательно золото надо. Серебро и бижутерию не признаёт. Видимо, в детстве не хватало ей такого. Хоть сейчас побалую. Люблю ведь её! Знаю точно – обрадуется, несмотря на всё.

– А зачем тогда ты и серебра разного набрал?

– Так подарит подружкам, – развёл руками Пухляш.

– А я своей часто дарил украшения, – снова заговорил Брюнет. – Но она к ним прохладно относилась. Всё больше по кулинарии фанатела. Вот когда скалку железную или форму для пиццы из углеродистой стали притаскивал, то был вообще молодцом. Кстати, через квартал должен быть «Хозяйственный». Я на карте видел. Давай заскочим по-быстрому. Что-нибудь и ей присмотрю. А то ты своей хапанул презентов, а я нет.

– Согласен. Дело нужное. Только осторожней. Непокойно мне как-то. Мутанты могут нас почуять. Вряд ли, что их здесь нет.

Выключив фонари, мужчины прикрыли лица масками-фильтрами и вышли на улицу. Осмотрелись. Дождь усилился, поднялся холодный ветер. Брюнет показал направление, и они начали медленно двигаться вдоль зданий...

Ядерный апокалипсис накрыл планету три года назад. Прежний мир рухнул, оставив в живых малую часть людей. Основной тактический удар обошёл стороной этот город, но и ракеты без ядерных боеголовок изрядно его потрепали. Уцелела примерно четверть строений, в основном на окраинах. Руины и слякоть окружали сталкеров с позывными «Кролик» и «Винни». Основными их задачами на сегодня являлись разведка новой местности и поиск топлива. Но без подарков для любимых никто из рейда возвращаться не хотел.

МАРИНА ОРЛОВА

A.k.a. manon_marechal

По образованию религиовед, по работе редактор, по призванию рассказчик.

Любимые жанры: фантастика, романтика, юмор.

Хобби – собирать диалектизмы и жаргонизмы (а также придумывать собственные), чтобы украсить ими речь персонажей.

В аду тоже есть правила (Участник конкурса «Я делаю шаг»)

В конце затхлого коридора, снизу до половины окрашенного синей казённой краской, а сверху покрытого побелкой, меня ждал сюрприз – тупиковая комната с двумя дверями. Станный субъект стоял как раз между ними, привалившись мощной спиной к обшарпанной стене. Из одежды на нём были лишь тёмно-бордовые шаровары с шёлковой вышивкой. Правая нога заканчивалась босой ступнёй, левая – копытом. Здоровяк напоминал одновременно фавна, джинна и викинга. Сложив мощные руки на груди, он ехидно улыбался, с интересом изучая меня. На его лысой голове отчётливо виднелись небольшие рога, лицо было покрыто шрамами, в ухе сверкало золотое кольцо, густая борода была заплетена в косу, а по мускулистым плечам спускались затейливые татуировки.

– Выбор у тебя несложный, судя по накопившимся грешкам, – прогудел он. – Прелюбодеяние – за этой дверью, тревоугодие – за той. Определяйся.

И действительно, только сейчас из-за двери слева до меня донеслись сладострастные возгласы, стоны, всхлипы и монотонные поскрипывания. А от двери справа вдруг потянуло таким аппетитным ароматом, послышался звон вилок, посуды, бокалов, что рот моментально наполнился слюной и в животе предательски заурчало.

– Выбор очевиден, – говорю я, нацепив на лицо лучшую улыбку.

– Вот и ладушки, не создавай очередь.

– Никаких больше очередей. – Делаю шаг к субъекту, доставая из кармана удостоверение, и, распахнув кожаную «книжку», тычу ему в лицо. – Инспектор первой степени Агнесса По. Я закрываю ваш притон.

Здоровяк меняется в лице мгновенно: из самоуверенного крутыша превращается в напуганного парнишку, – сразу заметно, что лет ему не так много. Даже ростом как будто меньше стал.

– Э-э... Да мы...

– Ваши документы.

– Забыл! – выпаливает с такой готовностью, словно репетировал.

– Можем обойтись без них. – Я щёлкаю кнопкой материализовавшейся в пальцах ручки и веду кончиком стержня по многочисленным графам бланка отчёта, разыскивая нужную. – Значит, вы Один Валлхальский, хозяин данной комнаты удовольствий...

При виде моего истинного облика – пылающие огнём глаза, огромные спирали рогов, хвост с золотой кисточкой и прочие атрибуты адского статуса, – парень бледнеет до уровня моего бланка, и шрамы выделяются на его лице дешёвой подделкой. Грим.

– Нет! Я всего на полставки! То есть меня попросили... По дружбе...

– Водите дружбу с уголовниками? – перебиваю быстро, не давая ему опомниться. – ФИО?

– Снорри Ифритов, я тут вообще ни при чём! Просто сказали: «постой», – вот и всё, а мне деньги очень нужны, у меня мама болеет, в больнице лежит, лекарства дорогие, отпустите меня, ну пожа-а-алуйста? – последнее слово парень проблеял совершенно по-козлиному.

– Так и запишем: «Подозреваемый утверждает, что получал деньги за свои услуги», – бурчу я, не отрывая сосредоточенного взгляда от мелких буковок, которые вписываю в графу бланка.

– Я?... – голос у псевдо-Снорри совсем упавший. – Какой же я «подозреваемый», я ж так... Говорю же, только ради мамы...

– А эти ваши... – не отрываясь от записей, киваю на левую дверь, из-за которой всё так же размеренно звучат стоны и скрипы. – Тоже ради мамы стараются? Организация комнат удовольствия была запрещена всеадским законом ещё в то время, когда у ваших родителей

молочные рога не выпали, а вы всё прикидываетесь, что не в курсах. Грешники обязаны страдать, а вы им – что? Все блага цивилизации? И так уже в рай никто не хочет, все к нам ломаются, а ад, между прочим, не резиновый.

Методично, без спешки, заполняю бланки. Фоном охают из-за левой двери и громяхают посудой из-за правой.

Наконец, помариновав парня как следует, поднимаю на него взгляд. Ну и зрелище: голову втянул в плечи, носом шмыгает, коса из бороды растеряла всю импозантность и свисает унылым шнурком.

– Вот что, Снорри, – выделяю ехидным тоном явно липовое имя. – У меня есть для тебя небольшое предложение, но решать нужно быстро. Ты мне – ключи от всех местных дверей, а я на две секунды теряю из виду вон ту, – тычу большим пальцем за спину, на выход. – Отсчёт пошёл: три, два...

– Согласен! – выпаливает парень.

Торопливо запускает обе руки в глубокие карманы шаровар и, порывшись немного, извлекает из правого огромную связку ключей, чуть не бросает мне на планшет с бланком. Золотые, бронзовые, сверкающие сталью, насквозь проржавевшие...

– Неплохо, – веду указательным пальцем по бороздкам белого ключика, умело вырезанного из кости. Вот это повезло, не придётся даже возиться с сейфом. Парень рядом топчется нетерпеливо, ясно, что у него ноги так и чешутся рвануть к двери, но всё же опасается, ждёт команды. А я не тороплюсь. – Босс сейчас там?

Псевдо-Снорри подобострастно наклоняется к моему уху, перейдя на опасливый шёпот:

– Должен быть через час. Сегодня день сбора денег, я... – парень запинаясь, сообразив, что чуть не спалился. – Наш администратор уже всё собрал и боссу занёс, так что он точно будет. Как раз самый момент, чтобы... того.

Киваю поощрительно, и парень заглядывает мне в глаза с плохо скрываемым ожиданием.

– Прошу, – указываю ладонью на выход.

Мгновение – и Снорри нет, даже дверь не скрипнула.

Спустя пять минут я вновь прохожу сквозь затхлый сине-белый коридор, на этот раз в обратном направлении. Из-за дверей всё так же доносятся запахи благовоний, щёлканье раскручивающейся рулетки и прочие завлекалки для клиентов. Молодцы, ребята, хорошо работают – судя по изрядной сумме, которая перекочевала из сейфа Одина Валлхальского в мои карманы.

Взбесится ли он? Безусловно. Это уже четвёртая его контора, которую я обчищаю. Сможет ли что-нибудь сделать? Не-а. Как известно, в аду кто хитрее, тот и прав.

Болотные огоньки

Ведунья склонилась всем телом, неторопливо раскручивая большое светлое блюдо, полное яблок, и взгляды всех людей в комнате, как замороженные, устремились вслед за ленивой круговертью плодов. Яблоки были разные: и крупные нежно-розовые, так и сочащиеся сладким ароматом, и мелкие зеленоватые дички, и лежалые, тронутые плесенью желтушки, и тёмно-коричневые, полностью гнилые, проминающиеся от любого движения.

Маричка, переминающаяся с ноги на ногу рядом с ведуньей, ещё раз провела неторопливым взором по лоснящемуся от душного воздуха комнаты лицу Серго, по тускло поблёскивающему в свете свечей золотому шитью его кафтана, по пальцам с пухлыми ямочками, цепко нависшими над кружащимися яблоками. Сейчас, когда парень закрыл глаза по обычаю гадания, можно было рассматривать его без опаски.

«Да он вроде и красивый... – нехотя подумала Маричка. – Вон ведь Леля так по нему сохнет... И богатый... Радоваться надо, что он меня выбрал...» Но слова матери и тёток не помогли – ни раньше, когда они приговаривали их, кружась над будущей невестой с отрезами ткани, примеряя, что больше к лицу, ни сейчас, когда девушка повторяла их мысленно.

Взгляд Марички зацепился за ссохшееся, почти чёрное яблоко, подкатившееся к пальцам Серго, и в голове резко бухнуло: «Хоть бы гнилушку взял. Может, ещё откажутся. Его мать сильно верит в приметы...» Девушка украдкой глянула на полную женщину с сурово сведёнными бровями, сидящую среди других на длинной скамье вдоль стены. Та не только зрением, но и словно бы всем телом устремилась к происходящему в руках старухи-ведуньи. Казалось, что если даже грохнет сейчас над домом и начнёт рушиться крыша, то и тогда она не оторвётся от гадания.

Маричка покосилась на своих родителей. Отец сидел чинно, выправив спину, со спрятанной в углах губ улыбкой, успокоенный тем, что ведунья подтвердила чистоту и здоровье его дочери. Матушка тревожно перебирала пальцами углы расшитого платочка и, часто моргая, бегала взглядом то на яблоки, то на Серго, то на иконы в углу комнаты.

Наконец ведунья проскрипела:

– Добрый молодец Серго, время выбирать невесту.

И сразу ладонь рухнула вниз, прижимая добычу к блюду. В комнате как ветер пролетел от множества вдохов. Не открывая глаз, парень уже заулыбался, чувствуя под пальцами приятно-твёрдую полноту.

Раздался довольный клёкот ведуньи:

– Ох ты ж, добрый молодец! Уж выбрал, так выбрал! Знать, твоя по праву невестушка-то! Дай-ка сюда, дай...

Серго радостно глянул на плод в своей руке – сплошь розовый, без единого изъяна, – бросил торжествующий взгляд на родителей и подал яблоко старухе.

Та отрезала кусочек и вложила его парню в рот.

– Ну, попробуй. Как тебе невеста?

Неторопливо пережёвывая, Серго огладил хозяйским взором тело Марички и наконец с улыбкой произнёс:

– Сладкая.

И сразу все вскочили со скамеек. Матушка подбежала к Маричке, обняла её и, утирая выступившие слёзы, забормотала: «Счастливая ты, счастливая, дочка!..» Отец подступил к родителю Серго, чтобы окончательно обговорить детали завтрашней свадьбы.

Маричка снова покосилась на парня – он не отрывал от неё довольного прищура, с наслаждением похрустывая яблоком. До завтра ему не положено было прикасаться к ней, но смотреть уже можно было сколько угодно. Девушка скользнула взглядом на его губы – влажные

от сока, перекачивающиеся в постоянном движении – и представила, как завтра ей придётся целовать их. Проглотив, Серго широко улыбнулся, показывая белые зубы, и откусил новый кусок. Маричку точно ударило образом: эти зубы вместо яблока впиваются в её тело, оставляя тёмно-красные следы на белой коже. Она брезгливо отвела глаза.

Наконец радостный гомон начал стихать, и все засобирались. С облегчением девушка вышла из напаренного травяными настоями дома в свежую прохладу летней ночи. Родители Серго и Марички в последний раз обнялись и троекратно поцеловались, ещё раз подтверждая в присутствии ведуньи свой свадебный уговор. Парень лихо запрыгнул в бричку и, пока никто не смотрит, послал Маричке воздушный поцелуй. Та неловко замялась, но всё же улыбнулась в ответ.

Дома девушка сказала уставшей и попросила разрешения пойти к себе. Напоследок матушка поцеловала её и радостно пробормотала:

– Завтра поднимемся рано-ранёшенько. Должна прийти тётка Марфа, да опосля на обмывание, да красоту ж нужно навести... А пока – спи, дочка, спи крепко. Завтра уж не поспишь...

Маричка послушно легла, однако сон не шёл. В голове кружились слова о том, что завтра ей будет не до сна. Они сливались с образом Серго: как он цепко ухватил яблоко, словно хотел выжать из него весь сок, как жевал, а в уголке рта поблёскивала капля, и казалось, что она вот-вот потечёт на подбородок, как оглядывал её масляными, наглыми глазами.

«Нет, не красивый он! – не выдержала девушка. – Если нужно будет целовать его, так я умру. Но делать-то нечего, свадьба сговорена...»

А немного погодя стало и того хуже: вспомнила Маричка, как щупали её сухие старушечьи пальцы, больно мяли грудь и живот, уверенно оглаживали самые сокровенные места. Стоило представить, что завтра туда же полезет Серго – и сделалось так тошно... Вот и крутилась девушка с боку на бок до тех пор, пока звёздный Соловей не заглянул в окно.

– Ох, Соловушка, – прошептала она, – знаешь ты о любви. Расскажи мне, как это. Говорят, все сначала боятся, а потом будто бы привыкают и любят мужей своих? Только не верится мне что-то...

Маричка помолчала, прислушиваясь. Где-то скрипнул пол. Наверняка матушка ещё молится. Или, может, в сотый раз приданное перебирает да разглаживает потемневшими от домашней работы ладонями.

– Ещё говорят, как бы знаки есть. Приметы всякие. Главное, вопрос правильно задать. Скажи мне, а, Соловушка?

Она пристально уставилась на звёзды, только не заметила никакого ответа.

– И что мне делать-то? Замуж ведь надо. А больше и не за кого.

Перед мысленным взором девушки мелькнуло лицо Михея. Ох, красивый он, ох, ладный... На гуляниях как рубаху скинет, выйдет в круг – против любого, никого не боится, – так все девки столбом встают, только хихикают промеж собой, а глаз не отводят. Да ведь не зовёт её Михей – и не позовёт. Любит он свободу. Да и девок любит, чего уж там.

Маричка вздохнула.

– Нет, Соловушка, не надо мне такого мужа. Будет только гулять да пить, а больше ничего. Серго хоть при деле, умеет много... Родители у него важные... – она снова вздохнула. – Только не могу я... Лучше уж умереть...

В этот момент нижняя звезда Соловья сверкнула тёплым жёлтым светом. Девушка аж на локте приподнялась. Неужели знак?

– Что, Соловушка? Разве думаешь, что лучше сгубить себя, чем за Серго идти?

На этот раз вспыхнуло ниже – в кронах дальних деревьев. Маричка вскочила с постели и высунулась в окно, вглядываясь в темноту. Жёлтый огонёк неторопливо возник прямо на тропинке возле их дома, два раза моргнул ярким светом и поплыл в сторону леса.

«Возможно ли, что и вправду знак? – подумалось девушке. – Или обман? Но ведь просила я ответа, а теперь боюсь принять его. Нужно глянуть хоть, что там. А как ночью идти в лес, одной?..»

Но тут снова вспомнилось ей распаренное лицо Серго и белые зубы, вгрызающиеся в яблоко, и девушка решила. «Да хоть к зверю ночному в лапы попаду – всё одно пропадать».

Она неуверенно посмотрела на свои комнатные туфли. В таких далеко не уйдёшь, особенно по лесной траве, но делать нечего, вся уличная обувь и одежда внизу. Там матушка услышит.

Маричка высунулась дальше: под окном – скос, а потом можно перебраться на толстую яблоневую ветку, усыпанную плодами. Подобрал подол белой рубахи, девушка вылезла в окно и замерла, заметив, что жёлтый огонёк вновь оказался неподалёку. Под её взглядом он крутанулся, как в танце, и Маричка улыбнулась неведомо чему. Было что-то хорошее в этом тёплом свете. Словно бы старый друг зашёл её навестить.

Почувствовав прилив сил, девушка перебралась на яблоню, по пути стряхнув несколько листьев и сухую веточку, и вскоре оказалась на земле.

Огонёк радостно подпрыгнул и припустил по тропинке, а Маричка побежала за ним – легко, не разбирая дороги, будто был белый день, а не густая звёздная темнота.

Наваждение спало в тот момент, когда её правая туфля неожиданно чавкнула холодной жижей. Девушка вздрогнула, остановилась и обвела взглядом сурово шумящие деревья. Со всех сторон её окружал лес. В левую туфлю также начало сочиться холодное. Маричка испуганно отступила. Под мягкой подошвой сочно лопнули ягоды, и от их сока, а может, от осклизлого мха девушка катнулась обратно, неловко взмахнула руками и плюхнулась на землю. Рубаха тут же начала напитываться водой.

Жёлтый свет впереди остановился и, подумав, повернул назад. Девушка с ужасом следила, как приближающийся огонёк озаряет торчащие тут и там кочки, покрытые тёмно-красными каплями ягод, шелудивые стволы сосен и мутно-зелёный блеск воды. Болото! Да не окраина, а самая топь...

Чем ближе был огонёк, тем он казался больше. В один момент Маричке даже почудилось, что в глубине света она различает человеческое лицо. Вглядевшись внимательнее, она воскликнула:

– Кася!

Над ряской, время от времени вспухающей пузырями, висела сияющая фигура её подруги – в том самом сарафане, в котором пять лет тому назад пошла она по грибы, да так и не вернулась.

Кася добро улыбнулась.

– Здравствуй, Маричка.

Голос её звучал тихо и глухо, точно журчание спрятавшегося под поваленными деревьями ручья.

– Кася, ты что же... Ты здесь теперь?

Маричка не осмелилась выговорить вслух то, что крутилось на языке. Здесь, посреди ночного болота, даже последний смельчак подумал бы, прежде чем произнести подобные слова.

Девушка, сотканная из тёплого света, по-прежнему улыбалась.

– Мы все здесь. Пойдём со мной. У нас хорошо. – И она протянула лучистую ладонь.

Маричка, как зачарованная, подняла было руку, чтобы подать подруге, как вдруг заметила на своей ладони кровь. Вздвогнув, брезгливо растопырила пальцы, однако быстро догадалась, что это всего только сок ягод с кочки, на которую она оперлась. Подумав, девушка опустила руку обратно.

Кася настойчиво продолжала:

– Знаю я, что завтра у тебя свадьба. Так ведь не любишь ты Серго...

Маричка покачала головой. Где-то далеко ухнула птица.

– Видишь? Нельзя тебе возвращаться. Лучше оставайся со мной, с нами...

С трудом оторвав взгляд от лица Каси, девушка вдруг заметила, что лес вокруг наполнился сиянием. Тут и там между иссохших деревьев мелькали огни – бледно-голубые, нежно-серые, густо-зелёные. В затхлой воде лениво покачивалась россыпь искристых отражений. Похоже было, как на Купалу бродят по лесу с фонарями те, кто ищет цвет папоротника.

Девушка испуганно оглянулась: и за спиной конца болоту не было. «Как же я зашла сюда? И как теперь выйти?» – подумалось ей. А потом словно бы из глубины всплыла тягучая мысль: «А зачем выходить?»

Снова забормотал голос Каси:

– Неужто ты по своей воле пойдёшь за Серго? Сгубит он тебя, ломает. Не пожалеет красоту твою молодую – ни руки нежные, ни тело белое, ни косы медовые. А помнишь, как грезили мы с тобой о другой жизни, о дальних странах, о чудесах?

Маричка обняла себя руками, пачкая рубаху тёмно-красным соком, и тихо проговорила:

– Да где ж взять-то её, другую жизнь?

– Останься с нами – узнаешь, сколько в мире красоты, и радости, и неги... Ты же о любви спрашивала... У людей ты не найдёшь такой любви, как наша...

Справа робко приблизился к Маричке оранжевый огонёк и на мгновение полыхнул жаром.

И почудилось девушке, что это тоже человек, да притом знакомый.

– Помнишь, как на майское гуляние мы венки плели и парням раздавали? И ты свой Петру дала?

И точно, чем больше Маричка всматривалась в оранжевый огонёк, тем больше вспоминала тот давний весенний день, когда Пётр – рослый парень с копной светлых волос – по-доброму рассмеялся подарку, а затем поцеловал ей руку, будто взрослой барышне. Через несколько лет уехал он в город, на заработки. Только вот, видать, не доехал. Может, хотел дорогу через лес срезать или ещё что, теперь уж не узнать.

Огонёк спокойно подплыл к ногам девушки и разгорелся, засветился ярче. Маричка протянула руку и окунула пальцы в приветливое тепло. Оранжевый с готовностью нырнул под её ладонь, точно ластящийся пёс. Краем глаза девушка заметила, что и другие огни подступили, окружая её, однако страха это больше не вызывало.

Кася, мигнув, оборотилась обратно жёлтым огнём и подплыла ближе, погладила щёку Марички.

Тем временем оранжевый, пробежав всполохами по руке девушки, переметнулся на ногу, замер на миг, словно в нерешительности, а потом живым теплом потёк выше – под рубаху. Маричка ойкнула и сжала ноги, только против охального огонька это не помогло. Слева подступил ярко-синий, обвил её руку, и показалось девушке, будто провело ей по коже ласковым языком.

А оранжевый уже добрался до самого верха и ярко вспыхнул между бёдер, наполняя Маричку непривычным томлением. Тут же позабыла девушка, что сидит на мокрой кочке посреди гибельного болота, а могла думать лишь о пламени, мягко потёкшем по её телу.

Синий огонёк настойчиво потянул её левую руку вниз, к нему присоединился сиреневый справа, и, после минутного смущения, девушка откинулась назад, на подхватившее её упругое тепло. Откуда-то снизу вынырнул изумрудный, пощипывающим холодком скользнул по коже и повёл в сторону, разводя ноги шире. Оранжевый тут же прильнул к обнажившемуся телу, обвил Маричку ласковым огнём, приподнял бёдра с сырой земли. В вырез рубахи скользнул лиловый, терпко лизнул груди сотней искр. Девушка невольно выгнулась навстречу ласке, только прикусила губы, чтобы не застонать.

Теперь огоньки окутывали её тело сплошным переливающимся пламенем, где-то покусывая искристыми всполохами, где-то оглаживая властно, сладко – и в один момент позабыла Маричка о Серго, о яблочном гадании, о свадьбе, да и о всей своей жизни. И тут же почудилось девушке, что оранжевый огонёк, полыхающий промеж её бёдер, потёк выше, загустел – и теперь она уже ясно видела лицо Петра, склонившееся над ней. Ярко-голубые глаза, веснушки, ямочка на подбородке – всё как и много лет назад. Он улыбнулся и крепко обнял её, и Маричка почувствовала, как изнутри заполняет её жаркая тяжесть, от которой всё тело потекло тягучим воском.

«Эх, всё одно пропала, так терять нечего...» – мелькнуло в голове. Девушка обвила шею Петра руками, прижалась к его губам – пылким, хмельным – и закрыла глаза, доверяя своё тело трепещущему свету. Голова Марички куда-то плыла, словно затянуло её в водоворот на старой речке и кружит, кружит...

Движение внутри стало сильнее, напористее, и девушка не выдержала: часто задышала приоткрытыми губами, вцепилась пальцами в жаркую спину Петра, подалась бедрами навстречу. Парень снова накрыл её поцелуем – жадно, страстно, – и в ушах прозвучал шепот как бы нескольких голосов, сливающихся в один:

– Останься с нами, Маричка, оставайся... Только скажи...

И девушка, чувствуя, как внутри неё вьется лозой и наконец раскрывается огненный цветок удовольствия, выдохнула:

– Да...

Не знала Маричка, сколько пролежала, убаюкиваемая огоньками. Может, заснула она, и всё дальнейшее было лишь сном. Только казалось ей, что снова появился перед ней Пётр, протянул руку, а когда она взяла его широкую ладонь и поднялась на ноги, слева улыбнулась Кася, подхватила её радостно, закружила в танце – и настойчиво повлекла в сторону, спуститься с кочки вниз. Снова почувствовала Маричка болотную жижу под ногами, пахло на неё стылой сыростью утреннего тумана, лениво колыхнулась перед глазами ряска, а рот вдруг наполнился затхлой железистой водой. И увидела Маричка совсем близко раздавленные тёмно-красные ягоды – а больше ничего уже не было.

Проснулась она в вечерних сумерках, свежая и отдохнувшая. В голове молнией мелькнуло: «Свадьба! Как же я свадьбу проспала!» Девушка вскочила на ноги, но тут же обмерла, увидев рядом с собой Касю – живую, румяную, совсем такую же, как раньше. Сразу вспомнился вчерашний сон: и болото, и огоньки, и жаркие ласки. Покраснела Маричка пуще пунцовой розы.

– Здравствуй, друженька. Заспала ты совсем, Петро уж два раза тебя спрашивал. Или не по сердцу он тебе? – подруга лукаво прищурилась.

Девушка растерянно огляделась. Непонятно было вокруг. Вроде бы комната, только нечётко всё, как будто беспрерывно течёт и меняется. Краем глаза заметны какие-то смутные фигуры, а как прямо глянешь – нет никого. Посмотрела на себя – всё обычное. Только рубаха белая, без следов болотной грязи, и туфли чистые.

– Что же я теперь?... Как же домой мне?..

Кася рассмеялась задорно.

– Неужто к Серго торопишься? Родителей повидаешь ещё. Или, может, хочешь за Михеем пойти? – подруга озорно улыбнулась.

Маричка замотала головой.

– Нет, не хочу. Скажи мне лучше... А Пётр что, давно ведь здесь? Есть у него кто?

Подруга понимающе улыбнулась и потянула Маричку за руку.

– Пойдём, пойдём к нему. А то извелся уж весь.

Девушки нырнули под колыхающийся тёмно-зелёный полог, а когда вышли с той стороны, в одно мгновение оказался возле них Пётр, словно бы ждал. Полыхнула кровь девичья густым

жаром, зарделась Маричка алым румянцем, а сама глаз от парня отвести не может, точно приворожило её.

– Ох, Петро, ты всё здесь, – Кася кокетливо вздохнула. – А я веду Маричку окрест поглядеть, да на источник, что возле Кривой балки, – спинку попарить. Так, может, ты бы её проводил, а то всё одно без дела тут слоняешься?

Парень только молча кивнул и протянул Маричке ладонь, а девушка схватила её, прильнула доверчиво, да так они и пошли.

Кася же, проводив взглядом удаляющуюся пару, усмехнулась и пробормотала себе под нос:

– Всё-таки будет Серго моим.

ОКСАНА МЕЖЕНСКАЯ

Меженская Оксана Владимировна. Родилась в 1979-м, в 2024-м отметит сорок пять лет, а ещё в каком – и восемьдесят, и будет так же очаровательна.

Закончила Кыргызский государственный национальный университет, специальность – юриспруденция.

Живёт везде и нигде, человек мира. Пока в Уфе, но не значит, что к выходу сборника будет там же.

Пишет всё, что пишется, всем, чем пишется, обо всём, о чём писать можно и нельзя.

Хулиганка. Нарушительница правил. Меломан.

Автор одного сборника рассказов и ещё участница трёх сборников. Широко известна в узких кругах.

Жизненное кредо: «Ничего не бойся! Погнали! По ходу разберёмся!»

Не хочу боли! **(Победитель конкурса «Я делаю шаг»)**

Боль. Свет. Боль. Релакс. Боль. Тьма.

В конце затхлого коридора, окрашенного до половины синей казённой краской, а сверху покрытого побелкой, меня ждал сюрприз – тупиковая комната с двумя дверями. Странный объект стоял как раз между ними, привалившись мощной спиной к обшарпанной стене. Здоровяк одновременно напоминал фавна, джинна и викинга. Сложив мощные руки на груди, он ехидно улыбался, с интересом изучая меня. На лысой его голове отчётливо виднелись небольшие рога, лицо было покрыто шрамами, в ухе сверкало золотое кольцо, густая борода была заплетена в косу, а мускулистые запястья покрыты затейливыми татуировками.

– Выбор у тебя несложный, судя по накопившимся грешкам, – прогудел он. – Прелюбодение – за этой дверью, чревоугодие – за той. Определяйся.

И действительно, только сейчас из-за двери слева до меня донеслись сладострастные возгласы, стоны, всхлипы и монотонные поскрипывания. А от двери справа вдруг потянуло таким аппетитным ароматом, послышался звон вилок, посуды, бокалов, что рот моментально наполнился слюной и в животе предательски заурчало.

– Выбор очевиден, – говорю я, нацепив на лицо лучшую улыбку, и делаю шаг... В сторону стража.

Шаг получается тихий и медленный. Пол в комнате устлан ковром из упаковок от презервативов, любовных писем, свадебных фотографий, счетов из ресторанов, обёрток от еды. В общем, всем тем, что помогает предаваться грехопадению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.